

В отличие от прошлого раза, когда Сяо Чжюцин лично доставил его в столичную управу, на сей раз по приказу князя Лянь Ван Юаня бросили в застенки Шуньтянь фу и без долгих разбирательств выписали ровно двадцать палок.

Пока Ван Юань голосил на все лады, чиновник управы ударил по столу судейским молотком и приступил к допросу.

Однако в ходе допроса выяснилось, что вещицы, изъятые у Ван Юаня, действительно принадлежали резиденции князя Лянь. Когда же для опознания привели слуг из княжеского поместья, стало очевидно: адресом этот мерзавец не ошибся.

Вот только с отцом вышел промах.

Теперь, когда князь Лянь воссел на вершине власти в качестве регента, его прежние ученики и приближенные взмыли ввысь подобно петухам и собакам, взобравшимся на небеса, и каждый получил хлебную должность.

Но Ван Цяньжуй по-прежнему ютился в переднем дворе резиденции, отделенный от челяди и слуг лишь тонкой стеной.

В небольшом дворике, окруженном несколькими рядами боковых флигелей, проживали семь-восемь домашних сподвижников князя Лянь.

В их число входил и Ван Цяньжуй.

Когда-то в дом князя Лянь стекались лучшие умы со всей страны, и он еще мог затеряться среди них, создавая видимость полезности. Но поскольку в молодости он перешел дорогу Ли Хэюну, да и умом явно не блистал, теперь звание домашнего сподвижника князя Лянь было лишь ширмой для выполнения самой грязной работы вроде сортировки бумаг и сверки бухгалтерских книг.

Какой из него сподвижник? Обычный дворовый холоп.

Выслужив право на старости лет, он сумел выбить во дворе целых три комнаты. В одной жила их супружеская чета, в другой – два его сына, а самая маленькая, сырая и обветшала, служила кладовой, где навалом были свалены остатки зимних дров.

Именно туда и заселили Ван Юаня.

Высокие стены и глубокие ворота княжеской резиденции надежно скрывали тайны от посторонних глаз. Однако даже о таком тихоне, как Ван Цяньжуй, умудрившемся завести ребенка на стороне, прислуга судачила на все лады. Стоило людям Се Цзяо приказать соглядатаям покрутиться у ворот, как они быстро сложили общую картину.

Сравнивая нынешнее положение с беззаботной жизнью в башне Обитель Весны, Ван Юань понял, что в поместье князя ему придется несладко.

Ван Цяньжуй давно выкинул его мать из головы, а внезапно объявившийся отпрыск вызвал у него лишь глудое недоумение. Семья еле сводила концы с концами, и появление лишнего рта вызвало бурю негодования: госпожа Ван изливала накопившуюся злобу, целыми днями бранясь прямо под дверью Ван Юаня.

Сводные же братья, промышлявшие выпивкой и азартными играми, в первый день приняли Ван Юаня за брата родного, но уже на следующий явились с деловым предложением: сбыть его наложницу Юнь Циэр в бордель, а вырученные деньги спустить на карты, поделив барыши на троих.

Жизнь Ван Юаня превратилась в сущий кошмар, бесконечно далекий от приторных страниц романа.

В книге его происхождение оставалось прежним, но он не провел в особняке клана Ван ни единой ночи.

Князь Лянь проникся к нему симпатией с первого взгляда, выделил ему роскошный отдельный особняк на территории резиденции и даже даровал право беспрепятственно посещать внутренние покои.

Именно так Ван Юань некогда и познакомился с княжной Нинъянь.

Но нынче князь Лянь даже не удостоил его личной встречи, послав Чжао Жуна лишь для того, чтобы отчитать Ван Цяньжуня за распущенность и грандиозный скандал, запятнавший имя семьи.

Ван Цяньжунь кланялся до земли, а провожая Чжао Жуна до ворот, услышал в свой адрес суровое предупреждение:

- Смотри мне, держи своего ублюдка в узде! Если он посмеет оскорбить княгиню, княжну или благородных господ из внутренних покоев, князь первым делом снесет твою голову!

Ван Цяньжунь снова закивал, словно цыпленок клюет зерно.

Услышав это из крошечной каморки Ван Юаня, Юнь Циэр в ярости вскочила на ноги:

- Что за слова?! Ни доказательств, ни улики, с какой стати они грязью нас поливают?

- Ладно тебе, не нарывайся, - прохрипел Ван Юань, распластавшись на постели трупом - раны еще не зажили.

Но девушку было не остановить:

- Подумаешь, княжеский особняк! Эка невидаль! Раз они нам не рады, ноги нашей здесь больше не будет!

С этими словами она решительно направилась к выходу.

Ван Юань слабо вздохнул ей в спину:

- Эх, знал я, что все бабы - меркантильные стервы. Ладно, суждено мне быть нищим неудачником, коль беден - убирайся ко всем чертям.

- Братец Юань, да как ты мог подумать, что я тебя брошу! - Юнь Циэр тут же бросилась к его ложу.

- Эх, добрая душа, только на тебя и надежда, Циэр.

Тогда девушка выпалила:

- Я к тому, что мы съедем отсюда! Вдвоем заживем, и никто нам указывать не смеет!

Ван Юань округлил глаза, будто услышал самую нелепую шутку на свете:

- Съедем? Легко сказать! На какие шиши?!

Юнь Циэр оставалось лишь отмахнуться:

- У тебя нет денег, так ведь твои побратимы – люди зажиточные! Сами же клялись в верности и помощи, куда они все подевались?

При этих словах Ван Юань вскочил с постели так резво, будто исцелился от смертельного недуга.

И правда! Как же он раньше не додумался?!

На то они и братья, чтобы выручать в лихую годину!

Сейчас он как раз на самом дне, когда же еще трести этих братков?!

- Подними меня, ну помоги же! – Ван Юань заерзал на кровати, пытаясь подтянуть к себе потрепанный верхний халат.

Подумаешь, презренный статус?

Да у него, Ван Юаня, связей и влияния хоть отбавляй!

Сумерки окутали погружившуюся в тишину императорскую столицу.

- Чего так долго?

Младший евнух с деревянным коробом для еды ступил на нефритовые ступени, и стражники у входа в зал Изогнутой Террасы бросили на него оценивающий взгляд.

Во дворце хватало прислуги, но тех, кому позволялось прислуживать императору вблизи, можно было пересчитать по пальцам. Этот паренек был молод, не имел влиятельных покровителей и нужных связей для взяток, а потому обязанность ежедневно носить правителю вечерний успокаивающий отвар неизменно ложилась на его плечи.

– Князь всё еще заседает в павильоне Глубины Познания, а в службе императорского питания завал – готовят ночной перекус для господ министров, вот я и задержался на мгновение, – подобострастно ответил евнух.

– Ступай внутрь, да побыстрее, – зевнул стражник, махнув рукой, и вновь задремал.

Евнух почтительно поклонился им, бережно прижимая к груди короб, и со страхом толкнул тяжелые двери.

Внутри зала Изогнутой Террасы царил полумрак – окна и двери были плотно заперты. Шаг за шагом преодолевая лабиринт из переходов и палат, он добрался до самых дальних покоев императора.

Евнух опустился на колени с такой легкостью и грацией, будто в одно мгновение сбросил чужую личину.

– Подданный Инь Шици приветствует Ваше Величество.

– Есть вести? – раздался из глубины покоев ленивый голос Фэн Юаньси.

– Так точно. Половину сия назад от Инь Сань поступило донесение, приказано передать лично в руки Вашему Величеству.

– Войди.

Инь Шици поднялся с колен и, держа короб обеими руками, переступил порог.

Короб опустился на стол. Под первой крышкой обнаружилась пиала с успокаивающим отваром – за прошедшее время жидкость успела остыть, а поверхность подернулась масляной пленкой. Зрелище красноречиво свидетельствовало о былом усердии императорской кухни.

Отодвинув отвар в сторону, Инь Шици открыл потайное отделение короба и извлек оттуда аккуратную пачку писем.

В миру он носил имя Вэй Цюань, а в былые дни подавал чай самому покойному императору.

В год рождения Фэн Юаньси покойный император отобрал для него восемнадцать смертников: кто-то из них официально числился при дворе, а кто-то десятилетиями оставался в тени. Инь Шици был одним из них, и даже евнух Ло Хэюй не подозревал о его истинной сущности.

В год смерти государя трагически погибла и вдовствующая императрица. Инь Шици тогда был совсем юн, но в памяти навсегда запечатлелась та ночь, озаренная багровыми отблесками свечей, когда старшие братья и сестры собрались вместе, обсуждая, как избавить императора от тирании князя Лянь.

Их было всего с десяток человек, тогда как за спиной князя стояли тысячи воинов гарнизона. Они проспорили до рассвета, но даже в лучшем случае шансы на успех едва достигали двух десятков процентов.

Но что толку в их смерти, если некому будет защитить юного императора?

В то самое утро государь пришел в себя.

Инь И провел в его покоях долгие часы за закрытыми дверями, а выйдя наружу, приказал всем залечь на дно и ждать приказаний.

Однако когда сам Инь Шици занес лекарство, хозяин по-прежнему лежал без сознания. Ни одна живая душа, кроме них, не ведала, что Фэн Юаньси очнулся в день гибели матери.

С той поры Инь Шици беспрекословно исполнял волю своего господина.

Один за другим старшие братья и сестры исчезали из виду, изредка присылая условные знаки. На конвертах стояли скупые метки, по которым Инь Шици безошибочно узнавал почерк старых товарищей.

Вести приходили отовсюду: из гарнизонов на северной границе, из канцелярии наместника в Ханчжоу и даже из «Фэнду» – таинственной организации, наводящей ужас на весь цзянху в последние годы.

Нынешнее послание доставила лично Инь Сань, возглавляющая Фэнду.

Фэн Юаньси принял письма из рук Инь Шици.

Корреспонденция была рассортирована по датам и подписана фамилиями. Всего две категории: «Ши» и «Сяо».

Двое новых наставников, пожалованных ему князем Лянь.

Пальцы Фэн Юаньси замерли на мгновение, после чего он отложил стопку с фамилией Сяо в сторону и вскрыл другую.

«Седьмого числа четвертой луны Ши тайком проник через боковую калитку в резиденцию князя Лянь, провел там полночи в беседе с хозяином и вернулся на рассвете с сияющим лицом, неоднократно заявляя слугам, что “жизнь удалась”.»

«Девятого числа четвертой луны Ши в гневе покинул дворец, вновь направился в княжий дом и вернулся без следа недавнего раздражения.»

«Одиннадцатого числа четвертой луны Ши развернул бурную деятельность, скупая за баснословные деньги бродячих магов и предсказателей по всей столице. Цель неизвестна.»

Строка за строкой, Фэн Юаньси бесстрастно перелистывал листки, сжигая каждый прочитанный над пламенем свечи.

Когда дошла очередь до последнего послания, Инь Шици осторожно произнес:

– Господин, Инь Сань просила передать вам предостережение. Этот человек ведет себя слишком подозрительно и может замысливать недоброе против Вашего Величества. Не пора ли принять меры?

– Сколько людей у нас еще осталось в распоряжении? – спросил Фэн Юаньси.

Инь Шици на мгновение умолк.

Времена стояли тяжелые, люди требовались везде, и если отправить кого-то следить за Ши Сюцзе, пришлось бы оголять другие посты.

Фэн Юаньси бросил на него короткий взгляд, вытянул из стопки чистый лист бумаги и набросал пару строк.

Легкий листок опустился в ладонь Инь Шици. Бегло взглянув на него, тот встревоженно произнес:

– Но, господин, ваша безопасность...

Фэн Юаньси отвел взгляд.

– Время лишать меня жизни для князя еще не пришло, – тихо обронил он.

Инь Шици умолк, склонив голову.

Тем временем император предал огню последнее письмо о Ши Сюцзе и перевел взгляд на стопку конвертов, мирно лежащую на кушетке.

Эта пачка выглядела куда тоньше, но ее адресат точно так же состоял в услужении у князя Лянь.

Чего ради князь подослал его?

Уж точно не для того, чтобы тот читал две статьи и наигрывал полмелодии на цине.

Послеполуденное солнце косыми лучами падало на пол, напоминая то самое утро. Яркий свет озарил белоснежный конверт с выведенным четким иероглифом «Сяо», и на миг почудилось, будто перед ним те самые пальцы, что касались струн инструмента, казаясь почти прозрачными в лучах заката.

И все же этот человек был лишь выброшенным за ненадобностью марионеткой, ради которой князь Лянь вряд ли стал бы тратить столько сил на хитроумные интриги.

Фэн Юаньси вскрыл конверт.

«Седьмого числа четвертой луны Сяо лично посетил ресторан “Восемь пьяных небожителей” и приобрел фунт крабов в винном маринаде.»

«Восьмого числа четвертой луны Сяо после беседы с князем Лянь во дворце отправился в храм Дали разбирать архивы. Засиделся до сумерек, на обратном пути заглянул в “Восемь пьяных небожителей” и купил фунт крабов в винном маринаде.»

«Девятого числа четвертой луны Сяо покинул дворец, отправился по делам в храм Дали, задержался до темноты и вновь приобрел фунт крабов.»

...

Фэн Юаньси повидал на своем веку немало чиновников, но столь предсказуемый и пресный распорядок встречал впервые.

Каждый день – служба в ведомстве, перекладывание занудных бумаг от зари до заката. Порой к нему приставляли соглядатаев, но те следили лишь за каким-то уличным забулдыгой, имевшим давние счеты с кланом Сяо.

Однако соглядатай лишь наблюдал, так и не решившись на убийство.

Столь мягкосердечен?

...И при этом до безумия обожает крабов. Ровно по фунту ежедневно, без малейших исключений.

Письма сменяли друг друга, пока наконец в вчерашней сводке сведения об этом господине Сяо не изменились.

Он по-прежнему трудился в храме Дали до глубокой ночи, но на обратном пути купил лишь шесть лянов крабов в винном маринаде.

На вопрос лавочника он ответил: «Объелся».

- ...

Инь Шици с изумлением взглянул на правителя, на губах которого заиграла легкая улыбка.

Пепел от писем Ши Сюцзе уже остыл на столе, но Фэн Юаньси даже не думал сжигать эти бумаги.

Он собственноручно вскрыл последний конверт.

«Тринадцатого числа четвертой луны Сяо читал лекции во дворце. Покинув дворец, направился в храм Дали. К сумеркам в одиночестве покинул ведомство и направился на улицу Весенних Вод.»

...Улицу Весенних Вод?

Зачем ему понадобился квартал красных фонарей?

<http://bllate.org/book/18810/1865682>